

Николай Луговской

Судьба казака

Документально-
художественная повесть

Николай Николаевич Луговской
Судьба казака.
Документально-
художественная повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35482032

ISBN 9785449309792

Аннотация

В повести рассказывается о жизни и необычной судьбе простого кубанского казака из хутора Белого Краснодарского края. Участник Первой мировой войны, получил ранение в Персии, лечился в госпитале в Бомбее, через Шанхай и Владивосток возвратился на родину, женился, в 1932 году был сослан в Сибирь, где и завершил свой жизненный путь.

Содержание

Кто такие казаки?	6
Предисловие	11
Часть первая.	13
Картина первая. Детство	21
Картина вторая. В гимназии	27
Картина третья. На Кавказском фронте	31
Картина четвертая. Девичья башня	37
Часть вторая.	40
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Судьба казака Документально- художественная повесть

**Николай Николаевич
Луговской**

*Слова сердечной благодарности
автор повести выражает
верному спутнику жизни
Нине Ивановне Гульневой – Луговской,
вдохновителю и соавтору
Казакам, погибшим и пострадавшим
в период Гражданской войны,
коллективизации и голодомора
1932 – 1933 годов,
посвящается эта повесть*

*Корректор Н. И. Гульнева-Луговская
Редактор Л. И. Садовикова*

© Николай Николаевич Луговской, 2018

ISBN 978-5-4493-0979-2

Кто такие казаки?

Героическую судьбу России невозможно представить без ярких, отважных и неповторимых её представителей – казаков. На протяжении многих веков охраняли они её рубежи от набегов татар, половцев, турок и других народов. Воинственные, вольнолюбивые, жизнерадостные казаки всем своим образом жизни демонстрировали решительность, смелость, приверженность свободе, великую силу духа.

С детских лет казака воспитывали как будущего воина, защитника Отечества, поэтому война для юноши и зрелого мужчины была привычным делом и не вызывала у него чув-

ства беды и тревоги.

Но как происходило становление казачества? Единой точки зрения на этот вопрос у историков, писателей, исследователей быта казаков нет. Каждый из них выдвигает свои версии и предположения.

В переводе с тюркских языков казак означает – вольный человек, оторвавшийся от своей социальной среды, по разным причинам не желавший нести груз общинных и семейных обязанностей.

По мнению В. Ключевского, первым сформировалось донское казачество, в большинстве своем «из вольных гуляющих людей», которые вели борьбу в русском степном пограничье с бродившими там татарами, что придало казачеству особый характер.

Историк Е. П. Савельев в монографии «История казачества» истоки донского казачества усматривает в глубокой древности, во времена этрусков, а предками называет скифов, хазар, гуннов, касогов – черкесов и др.

Французский историк и писатель Проспер Мериме даёт такое определение: «Кзаки – это содружество народов Польши и России, поселившееся на землях, опустошённых татарскими вторжениями. Эти земли пришлось защищать с оружием в руках практически ежедневно, что превратило это сообщество в передовой отряд восточных христиан, боровшихся с тогдашними завоевателями – мусульманами в целях защиты Малороссии».

Академик Д. И. Яворницкий в своей «Истории запорожских казаков» пишет об особенностях казацкой жизни: «Война для козака была столь же необходима, как птице крылья, как рыбе – вода. Без войны козак – не козак, без войны лыцарь – не лыцарь. Козак не столько не боялся, а любил войну. Он заботился не только о том, чтобы спасти себе жизнь, сколько о том, чтобы умереть в бою, как умирают истые рыцари на войне».

На протяжении нескольких веков вольные казаки существовали как разрозненные группы и ватаги, промышлявшие себе на жизнь войнами и грабежами соседей. Но со второй половины 16 века правительства России и Речи Посполитой стали привлекать их для охраны границ, участия в войнах. Так сформировалось реестровое казачество, получавшее за службу вознаграждение. В начале 17 века у донских, терских и яицких казаков завершилось формирование казачьего войска как относительно самостоятельного военно-политического образования, связанного с центром договорными отношениями. С этого времени казачьи общины стали сочетать функции социальной, военной и хозяйственной организации.

Таким образом, можно сделать вывод, что появление казаков на историческом небосклоне было вызвано необходимостью защиты окраин России от внешних врагов, а постоянные войны и походная жизнь определили особенности их характера. Наряду с воинственностью и непримиримо-

стью в бою, все исследователи отмечают такие черты казаков, как стремление прихвастнуть, пустить пыль в глаза, щегольнуть своим убранством и оружием, а между походами – попойнствовать. Среди положительных черт выделяют бескорыстие и щедрость, благодушие и юмор, честность и справедливость, гостеприимство и постоянство в дружбе, любовь к песне и игре на разных инструментах. За необычайную преданность вере казаки получили признание как рыцари православия.

На Кубани казаки появились в конце 18 века. После успешного для России завершения Русско – турецкой войны 1787 – 1792 г.г. часть бывшего Запорожского войска получила свободные земли вдоль Черноморского побережья и образовала новое Черноморское войско. В 1793 году черноморцы в составе 40 куреней (около 25 тысяч человек) переселились на кубанские земли. Главной задачей нового войска стало создание оборонительной линии вдоль всей области и развитие хозяйства на новых землях.

О жизненных перипетиях и удивительной судьбе одного из представителей кубанского казачества и рассказывает автор.

к.п. н. Нина Гульнева – Луговская

Предисловие

О доблестных подвигах казаков написано немало исторических очерков, рассказов, повестей и романов. Сегодня, уважаемый читатель, Вашему вниманию предлагаются страницы повести о необычной судьбе обычного казака, участника Первой мировой войны 1914 – 1918 годов.

Главный герой повести родился в небольшой станице, детство провел на хуторе, окончил гимназию, исполняя свой воинский долг, был ранен и из Турции переправлен в Индию. Лечение в индийском госпитале в Бомбее, встреча со своей первой любовью, долгий путь возвращения на родину через Дальний Восток и Сибирь, судьбоносное предсказание цыганки в дороге, женитьба, коллективизация и ссылка в Сибирь – таков сюжет повести. Он основан на реальных событиях, архивных и документальных материалах, поэтому имена и фамилии персонажей повести несколько изменены.

Первая и вторая части повести были опубликованы в газете «Тильзитская волна» (г. Советск) в 2012 году и получив положительные отзывы читателей, я продолжил работу над ней.

Почему я взялся за написание повести? С раннего детства слушая рассказы бабушки, дедушки и других родственников о жизни, быте, традициях и обычаях казаков, представлял, как это всё происходило. Воображение рисовало инте-

ресные жизненные картины, которые накапливались из года в год, дополнялись рассказами отца и со временем стали проситься выпустить их на волю. Как только зародилась такая мысль, в руки сами собой стали попадаться материалы, документы, книги о ярких и суровых эпизодах жизни ближайших родственников и в целом хуторян. Когда понял, что держать в себе эту информацию больше нет сил, решился взяться «за перо». Чувство долга перед памятью трагически ушедших предков также взывало к такому шагу. Что из этого вышло, Вам судить, уважаемый читатель!

Часть первая.

Первая мировая война.

Кавказский фронт

В этот день, 19 мая 1916 года офицеры пятой сотни Уманского казачьего полка во время послеобеденного отдыха собрались под сенью древней смоковницы перекинуться в картышки. Это было самое прохладное место Керамшахского гарнизона, которое давно облюбовали офицеры полка. Прапорщик Заболотный достал из кармана колоду карт и стал их неторопливо тасовать.

– По-моему, у нас сегодня ничего не получится, нет четвертого игрока – задумчиво произнёс он.

– Я же пригласил Луганского, – заметил командир сотни, есаул Кожура.

– Думаю, что он не придёт, – ответил прапорщик Земляной, – Луганский хоть и командир взвода, но приказ о присвоении ему офицерского звания еще не пришёл, и это обстоятельство не позволяет ему быть сейчас среди нас.

В это время, сидящие поодаль офицеры, слушали прибывшего недавно в полк выпускника Академии Генерального штаба о катастрофе, постигшей Британские войска под Тефасоном.

– Командующий Британскими войсками западной Индии

генерал Таушен решил отличиться и захватить Багдад, – рассказывал выпускник, – но вместо этого потерпел поражение и оказался в плену. Теперь окрыленные победой турки готовятся в поход против нас.

Данное сообщение очень взволновало офицеров, и они бурно начали обсуждать дальнейшее развитие событий...

А собравшиеся играть в карты сослуживцы, ещё не зная об этой ситуации на фронте, продолжали мирно беседовать о повседневных армейских заботах.

– О, кого я вижу! – вдруг воскликнул Земляной. И впрямь, словно из-под земли, неожиданно возник Луганский. Он весь сиял.

– Господа, разрешите представиться по случаю присвоения звания – прапорщик.

– Ясно, представляешься, а когда же будешь «проставляться?», – пошутил Заболотный.

И офицеры сотни заулыбались, предвкушая предстоящее вечернее застолье. Однако, улыбка быстро сошла с их лиц, когда они узнали, с каким известием прибыл к ним Луганский.

– Как получу удостоверение и погоны, милости прошу, господа. А сейчас должен сообщить приказ начальника штаба, всем немедленно явиться к нему.

Офицеры вопросительно посмотрели друг на друга, пытаясь понять причину столь срочного приказа, но, хорошо зная фронтовую жизнь, быстро зашагали к штабу. Когда все

собрались, начальник штаба, войсковой старшина Ратимов обратился к присутствующим:

– Господа, после разгрома турками группировки генерала Таушена, нашего союзника, общая обстановка на фронте резко изменилась. Разведка донесла, что освободившуюся часть войск турки направили в нашу сторону, к населенному пункту Чандаур. Поэтому в полку объявляется повышенная боевая готовность. Немедленно перевести лошадей с пастбища в расположение лагеря. Произвести осмотр вооружения. Лишнее имущество сдать в обоз. Командир полка сейчас на совещании у генерала Баратова. По его прибытию, исходя из обстановки, будут даны соответствующие распоряжения. А сейчас все свободны, кроме пятой сотни. Подойдите поближе к карте, господа.

Указкой он обозначил то место, на котором будет реализовываться боевая задача, и разъяснил её:

– Детально место нахождения противника неизвестно. Предположительно он движется к местечку Чандаур. Учитывая образовавшиеся бреши в нашей линии обороны, эта ситуация может стать очень опасной для нас. В этих обстоятельствах мы приняли решение, силами вашей сотни произвести разведку боем на данном участке фронта. Ваша задача – установить точное расположение противника и максимально возможно его задержать. Достоверно известно одно, что этот район буквально нашпигован представителями не только турецкой, но и германской разведок. Поэтому при

обнаружении подобных спецгрупп или отдельных агентов, вам необходимо их взять в плен, а при сопротивлении – уничтожить. Даю вам два часа на подготовку к выполнению поставленной задачи, надеюсь, что вы решите её с честью, как это было под Баязетом.

Похлебав кулеш с салом, сотня, в назначенное время вышла в сторону Чандаура. Есаул Кожура выделил из сотни два отряда. Один во главе с прапорщиком Заболотным должен был обеспечить безопасность сотни с тыла, другой, возглавляемый Михаилом Луганским, предотвратить внезапное столкновение с неприятелем. Луганский, с этой целью, отобрал пятерых самых опытных казаков и направил их в дозор. В отсутствии сплошной линии фронта, тем более на территории Курдистана, население которого не жаловало ни турок, ни англичан, ни русских, эти меры предосторожности Михаил счёл необходимыми. Вскоре он заметил, что старший дозора Виктор Гром поднял шашку вверх, что означало – впереди опасность. Этот «сигнал» быстро заметили в колонне, и есаул Кожура приказал всем сойти с дороги и спешиться, а сам поскакал в голову колонны. Дозорные доложили ему о причине подачи предупредительного сигнала. Впереди, в четырёх – пяти километрах виднелся населённый пункт. Кожура достал бинокль и карту, и несколько раз перевел взгляд с города на карту и с карты на город. Затем он собрал всех офицеров и объявил, что они находятся на подступах к Чандауру. Есаул приказал первому взводу укрыть-

ся в ближайшей роще, второму и третьему занять круговую оборону и установить пулемёты стволами в сторону дороги. На расположенном в двух сотнях метров перекрёстке установить блок-пост. Отдав приказы, Кожура довёл до сведения командного состава сотни свой боевой план, включавший три варианта развития событий в данной ситуации:

– Первый вариант, – произнёс Кожура, – противник занял Чандаур и начал движение в сторону позиции русских войск, рассчитывая на внезапное нападение. В этом случае первый взвод атакует вражеские колонны, затем, не увязнув в бою, отходит назад. Противник, увлечённый погоней, попадает под огонь наших пулемётов. Отойдя в тыл, первый взвод перегруппируется, чтобы возобновить атаку. В это время второй и третий взводы наносят фланговые удары, и пулемётчики прекращают огонь. Дальнейшие действия будут определяться сложившейся обстановкой.

– Второй вариант, – продолжил он, – противник в Чандауре, но не планирует продвижения вперёд. Тогда мы, дождавшись темноты, внезапно нападаем на него, после чего отступаем и в случае преследования нас отходим на прежние позиции. Далее действуем, как в первом варианте.

– Третий – противник ещё не вошёл в Чандаур. В этой ситуации мы проходим через населённый пункт и под покровом ночи атакуем его за пределами Чандаура. Господа офицеры, – приступайте к выполнению задачи, а Луганского я прошу остаться.

– Михаил Андреевич, вам необходимо не обнаруживая себя, постоянно вести наблюдение за перекрёстком. Всех подозрительных лиц прошу задерживать и, обыскав на предмет наличия оружия, направлять ко мне. Я буду находиться в расположении второго взвода.

Получив задание, Михаил вернулся в свой взвод, расположившийся в роще. Здесь он увидел, что четверо казаков, игравших в карты, что-то не поделили и затеяли ссору.

– Что тут происходит!?! – возмутился Луганский. Почему вы оставили без контроля окружающую нас местность, особенно перекресток? Нам поручено наблюдать за ним и немедленно информировать Кожуру о каких-либо изменениях на нём.

– Да кому вин сдався, ваш перекрёсток, – нехотя ответил Иван Калюжный. Тут окромя пастухив никого не мае, – и, не успев договорить, он увидел трех приближающихся к перекрёстку всадников. По одежде и обличию было видно, что они далеко не сыновья востока. Михаил также заметил всадников и обречённо произнёс:

– Позор теперь всему взводу, упустили разведку, упустили.

– Да что Вы запричитали, – осадил его Калюжный, – куды воны динутся?

Он выхватил трофейный маузер и бросился наперерез всадникам. Два раза подряд выстрелил и двое конных, как подкошенные, упали на землю. Третий успел произвести от-

ветный выстрел и сразил казака. Пуля попала Ивану в грудь, он вскрикнул: – Эх!...и замер. Чувство досады и желание мести овладело Михаилом. Не осознавая, что он делает, Луганский вскочил на коня и бросился догонять третьего всадника. Этот поступок Михаила был явно безрассудным, так как беглец успел уйти достаточно далеко. Настичь его не представлялось возможным. Но потомственный казак Луганский, движимый охватившими его чувствами, не мог поступить иначе. Будучи умелым наездником, имея резвого коня, он быстро сокращал расстояние между собой и всадником. Преследуемый, заметив погоню, стал на ходу отстреливаться. Было видно, что он в этом деле не новичок. Михаил также начал стрелять. Его третья пуля угодила в коня бегльца. Конь завалился на левый бок и придавил наездника. Приблизившись, Луганский увидел направленный на него пистолет. Реакция Михаила была мгновенной. Выстрелы прозвучали одновременно. Резкая боль в ноге заставила Михаила спуститься на землю и осмотреть рану. Оторвав кусок исподней рубахи, он перевязал ногу и оглянулся в сторону всадника. Тот не двигался. Луганский, преодолевая боль, попытался сесть по удобнее, чтобы оглядеться и оценить обстановку. Солнце приближалось к горизонту, и наступающая ночь грозила ему немалыми неприятностями. Михаил знал, что эта местность кишит множеством змей, варанов, ядовитых пауков, стаями шакалов. Остаться здесь на ночь – верная гибель, поэтому, когда он увидел вдалеке группу людей, очень

обрадовался. Это обстоятельство, с одной стороны, давало ему хоть какую – то надежду на спасение, с другой – могло сыграть с ним злую шутку, так как неизвестно было, с какой целью бродили здесь эти люди. Луганский решил испытать судьбу. Он приподнялся насколько мог, стал кричать и размахивать руками, надеясь, что его заметят. Подошедшие незнакомцы, сначала обшарили тело всадника, прихватили с собой все, что нашли, затем направились к Михаилу. Он понял, что перед ним курды, промышляющие грабежами погибших. Михаил схватился за пистолет, но было уже поздно: один из курдов, подойдя ближе, выстрелил ему в голову. Грабители забрали у него пистолет, шашку, кинжал, часы, деньги и ушли. Перед глазами Михаила, теряющего сознание, замелькали картины его жизни...

Картина первая. Детство

Летний день на подворье казака Луганского Василия Ивановича. Шестилетний Миша лакомится ягодами шелковицы. Сам хозяин, дед Василий, управляет с пчёлами. Отец подковывает коня. Мать строчит в хате на своем «Зингере», шьёт кому-то обнову. Из летней кухни доносится дурманящий запах борща. Это бабушка Вера готовит обед. Вдруг возле ворот останавливается «линейка» и её хозяин Сергей Белый заходит во двор к Луганским.

– Здорово казак – протянул он руку Мише.

– Здравствуйте, дядя Сережа.

– Не передумал еще кролей завести?

– Нет, не раздумал.

– Тогда приходи, подыщем тебе пару, но только не завтра, так как завтра я уезжаю по делам в Екатеринодар.

Услышав голос Белого, отец Миши – Андрей Васильевич вышел к нему навстречу. Они поприветствовали друг друга, и присели на скамью в тени шелковицы.

– Ну что, Андрей Васильевич, надумали переселяться в Терновую балку? Или ещё не определились?

– Всё решено, заноси нас в список, – живо и без колебаний ответил Луганский. Это ж не дело, когда земля за пятьдесят вёрст, пока доберёшься до неё, и работать некогда. Да и с отцова подворья надо уходить, – пора начинать самосто-

ательную жизнь. А там и земля рядом и сам себе хозяин.

– Согласен, – кивнул Белый, – тогда я вношу вас в список.

Он попрощался с Андреем Васильевичем и заспешил домой собираться в дорогу, а Луганский вернулся в кузню, чтоб завершить подковку коня. Дед Василий, управившись с пчёлами, присел передохнуть около внука.

– Ну что, Мишаня, отдохну я немножко, и пойдём делать клетки твоим зайчатам.

В свои почти 60 лет он выглядел ещё весьма бравым мужчиной. И если войны и походная жизнь наложили отпечаток времени на его лице, то стройная фигура и играющие мышцы никак не соответствовали его возрасту. Все знали, что Мишаня у него любимый внук, которому он ни в чём не мог отказать. Любознательность мальчишки и то, что оба они левши, вызывали у деда особые чувства к внуку. Миша, уловив момент, в очередной раз начал расспрашивать деда об «украшениях» (так дед называл шрамы на своём теле), «подаренных» ему янычарами. Сегодня выбор пал на глубокий шрам на плече. Василий Иванович одобрительно глянул на внука и пообещал рассказать об этой истории во время полуденного отдыха. А в это время из кухни вышла бабушка Вера и предупредила мужчин, чтоб те никуда не уходили, скоро будет готов обед. Она отрезала кусок заветренного до желтизны сала, висящего под крышей кухни ещё с зимы, и отправилась доваривать борщ. Такое сало, толчёное с луком и чесноком, считалось у казаков самой важной припра-

вой к борщу. Дед с внуком поспешили к столу, где их уже ждали мать и отец Миши. Обедала казачья семья за круглым столом, называемым «сырно». Накрыт он был щедро. В центре стоял чугунок с борщом, рядом сметана, хлеб и разные овощи: перец, лук, чеснок, помидоры, малосольные огурцы. На краю стола традиционно возвышался глиняный кувшин с компотом из свежих фруктов. Перекрестившись, все члены семьи сели на свои места. Дед разделил сваренного петушка на части и каждому вручил свою порцию. Бабушка всем по очереди, как говорят на Кубани, «насыпала» в миски борща. Успев с утра изрядно потрудиться, взрослые ели с аппетитом, но достойно, не торопясь. Миша, подражая им, старался не отставать от взрослых и ел, испытывая удовольствие. Закончив трапезу, все поблагодарили хозяйку за вкусный обед и разошлись по своим местам отдыха. Дед направился в залу на свою любимую кушетку. Он лег на спину, подложив руку под голову и начал свой рассказ. Миша, прильнув к деде, внимательно слушал его.

– Это случилось внучок, на войне. Воевали мы тогда с турками за освобождение наших православных братьев болгар. Я служил в царском конвое. Так назывался отряд, который охранял нашего императора. Однажды мы сопровождали его в поездке в район боевых действий. Одет император был в казачью форму и ни чем не отличался от нас. Проезжали мы через один небольшой городок, как вдруг нас окружили какие-то люди. Неожиданно перед нами появился всадник.

Он спросил, кто тут царь, и сказал, что он имеет к нему прошение. Я почувал здесь что-то неладное, быстро выдвинулся вперёд, назвал себя императором и спросил, чего ему надобно? Вместо ответа всадник выхватил саблю из ножен и замахнулся на меня. Я едва успел тоже выхватить шашку и попытался отразить удар. Сабля всадника скользнула по моему клинку и поранила мне плечо. Остался я в живых, внучок, потому что я левша, шашка у меня была справа, и это помогло защититься от смертельного удара. За находчивость, позволившую спасти царя, я был награжден Георгиевским крестом, а затем произведён в офицеры. Таких историй, Миша, на войне бывает немало. Моё «левшачество», внучок, ещё не раз меня спасало, и тебе это может помочь в жизни в трудных случаях. А теперь давай немного подремлем и после сна пойдём делать тебе клетки....

Картины жизни продолжали мелькать в сознании Михаила, но память фиксировала лишь отдельные их эпизоды.

Весна. Станица в белом убранстве цветущих абрикосов. Семья Луганских собирается переезжать на новое место жительства в Терновую балку. Миша помогает родителям грузить на повозку домашний скарб. Осмотрев, всё ли уложено, так как надо, отец замечает, что нет казачьей sprawy (так у казаков именовалось боевое снаряжение). Он возвращается в хату и выносит большой сундук, в котором вот уже несколько лет хранится его «справа». Миша подбегает к отцу и старается ему помочь. Дед Василий выводит строево-

го коня и привязывает его к повозке. Наконец, все готово. Дед даёт последние наставления сыну, обнимает внука, баба Вера благословляет иконой отъезжающих и передаёт её Мишиной матери. Расставанье даётся нелегко, и все с трудом сдерживают слёзы. У Миши на душе двойственное состояние. С одной стороны, ему до боли в сердце не хочется покинуть родные и любимые с ранних лет места, с другой – его манит таинственность чего-то нового, необычного, неизвестного. Но вот отец Миши натянул поводья, и семейство Луганских тронулось в путь.

Подъезжая к Терновой балке, они увидели как преобразился этот край. Вдоль реки, до самого горизонта, протянулась цепь строящихся подворий, большая часть которых уже заселена. Хата Луганских была готова и ждала своих хозяев. Построена она из местного материала, который находился буквально рядом. Для каркаса использовались акация и ивовые прутья. Они обмазывались глиной, смешанной с кизяком. Глины в этих местах было много, и находилась она в полуметре под черноземным слоем земли. Это давало возможность быстро и не столь трудоёмко возвести себе жилище.

Подворье Луганских получилось довольно уютным и состоятельным. Оно включало хату, конюшню, амбар, погреб, колодец и баз для скота. Место для подворья отец Миши выбрал удачно – как раз – середина хутора, огород спускается к реке, недалеко строится церковь. Мише новое жилище сразу понравилось. Он забрал из повозки клетки с кролика-

ми и с удовольствием стал осматривать всё подворье. Едва новосёлы успели выгрузить вещи с подводы, как к их двору подошли несколько человек во главе с Сергеем Белым и пригласили хозяина на сход. Так было принято у казаков – самые важные жизненные вопросы решать сообща. Андрей Васильевич быстро переоделся в казачью форму и пошёл к месту схода. По возвращении он сообщил своим домощадцам о том, что атаманом избрали Сергея Белого и его именем называли хутор...

Картина вторая. В гимназии

А вот Миша гимназист. Сюда его определил отец по рекомендации хуторского учителя. Идёт урок физики. Гимназисты расположились вокруг огромного стола с множеством физических приборов. На одном из них учитель показывает, как вырабатывается электрический ток. В этот момент в кабинет входит директор вместе с фотографом и предлагает всем сфотографироваться на память о гимназии. Снимок получился очень удачным и Миша не один раз с гордостью демонстрировал его.

Гордиться ему было чем, ведь учиться в гимназии доводилось не каждому. Только самые способные и одарённые дети получали право продолжить образование. Шесть лет учёбы пролетели быстро, и сегодня выпускной бал. Только что прошло вручение аттестатов. Получив долгожданный документ, Миша стал в шеренгу выпускников. Зазвучал торжественный марш и в зал в нарядных платьях вошли выпускницы женских классов во главе с классной дамой. Приглядевшись, Михаил узнал в ней бывшую преподавательницу английского языка. Сердце его учащённо забилось, и он зарделся от нахлынувших на него чувств.

С самого первого урока он был тайно влюблен в «англичанку». Однажды Михаил решился поздравить Елену Александровну с Днём рождения. С букетом цветов юный гимназист направился к её дому и, не дойдя несколько метров, увидел, как их учитель физкультуры дарит «англичанке» цветы и целует её в щёку. Потрясённый увиденным, Михаил с яростью швырнул букет в канаву и побежал прочь. На вечернем занятии в секции бокса, когда учитель физкультуры стал показывать ему очередной приём, Михаил неожиданно нанёс тренеру удар по левой челюсти, бросил перчатки и ушёл из спортивного зала. Через несколько дней его ожидало ещё одно испытание. На очередной урок английского языка пришла новая учительница. А сегодня он снова увидел ту, ради которой в свое время готов был пожертвовать собой. И вот капельмейстер, объявив «белый танец», взмахнул дирижер-

ской палочкой. Под звуки волшебного вальса Штрауса дамы стали приглашать кавалеров. По телу Михаила пробежала дрожь, когда он увидел, что к нему направляется его «англичанка». Легкий поклон головы и они уже кружатся в ритме вальса.

– Как Ваши дела, Майкл? Кем Вы себя видите в дальнейшем? – спросила она с явным интересом.

– Хочу стать геодезистом, а там как судьба поведёт. Обу-
страивать новые земли – это в казачьей традиции, и я решил
следовать ей. А Вы, – я слышал, – вышли замуж и уезжаете
из станицы?

– Да, это так. Мой муж англичанин, и завтра мы уезжаем
в Индию в город Бомбей, по месту его работы.

– Что ж, безмерно рад за Вас, – произнёс Михаил, – и,
набравшись мужества, смущенно добавил, – Елена Александровна,
я очень благодарен Вам за этот танец.

«Англичанка» лукаво улыбнулась:

– Это, что – признание в особых чувствах?

– Считайте, как хотите, – ответил Михаил, – теперь уже
это не имеет никакого значения.

«Белый танец» закончился и он, взяв Елену Александровну
за локоть, подвёл её к стоявшим у колонны двум мужчи-
нам.

– Знакомьтесь, – сказала она, – мой муж Роджерс и мой
кузен Николай.

Михаил несколько оторопел, когда услышал, что их учитель физкультуры Николай Николаевич кузен «англичанки». Выходит, что когда-то приревновав его к Елене Александровне, он напрасно врезал ему на тренировке по боксу? Михаил галантно поклонился мужчинам и, попросив прощения у учителя физкультуры за тот памятный удар, связанный с его повышенным эмоциональным состоянием, вернулся в шеренгу выпускников...

На какие-то секунды к Луганскому вернулось сознание. Он попытался открыть глаза. Но ранение было настолько серьёзным, что эта попытка не удалась, и перед ним вновь замелькали картины его жизни...

Картина третья.

На Кавказском фронте

Первая мировая война. Кавказский фронт. Только что закончилось очередное сражение, успешное для Российской армии. Турки выбиты со своих позиций и отступают. Казаки, преследуя их, не дают им возможности закрепиться. Турки не ожидали, что русская кавалерия сможет так быстро преодолеть труднопроходимую местность и зайти им в тыл. Этому во многом способствовали действия разведчиков – пластунов, которые залегли в недоступных для обозрения противника местах и часами наблюдали за их подготовкой к предстоящему сражению. Все разведданные немедленно передавались в штаб полка. Таким образом, русское командование получило возможность оперативно вносить коррективы в разработанный ранее план,

Михаил, впервые участвовавший в бою, окрылённый победой, находился в приподнятом настроении. Ему очень хотелось поделиться с кем-либо об охвативших его чувствах. И тут он увидел полкового священника отца Иллариона и обратился к нему со словами:

– А Вы, батюшка, тоже воюете?

– Воюю, воюю, – ответил священник.

– А где же Ваше оружие?

– Вот мое оружие, – и, вынув из офицерской сумки Биб-

лию, показал её Луганскому.

– Вы, я вижу сын мой, сегодня испытываете особые чувства в связи с победой Российской армии?

– Да, батюшка, я безумно рад и готов снова ринуться в бой.

– Ну, тогда не соблаговолите ли сопроводить меня в ближайшее селение?

Заранее предупреждаю, что там нас может ожидать нечто непредвиденное, даже опасное.

– С удовольствием, батюшка, а к опасности нам не привыкать.

Луганский дал знак своему отделению следовать за ним и они, пришпорив коней, поскакали к видневшемуся невдалеке селению. Подъезжая к населенному пункту, отец Илларион воскликнул: – Что-то нас никто не встречает! А ведь здесь проживают в основном наши братья по вере – армяне.

Они проехали почти всё селение и не встретили ни одной живой души.

– Возможно, жители ушли отсюда, испугавшись военных действий – размышляя, произнёс Михаил?

– Пожалуй, они это сделали несколько раньше, – констатировал батюшка.

Кругом царило запустение, многие дома были сожжены, у других выбиты окна, разбросана битая посуда, видны следы крови.

– По всему видно – продолжил отец Илларион, – что сроч-

ный исход жителей произошёл под воздействием жестокого насилия. Попробуем выяснить это у моих братьев-священников.

И батюшка с Михаилом направились к храму, стоящему посреди селения.

– Есть тут кто-нибудь? – громко крикнул Луганский.

Дверь храма открылась и оттуда вышел старик-священник с длинной седой бородой. Отец Илларион поприветствовал его на трёх языках: армянском, греческом и русском. Оказалось, что священник неплохо говорит по-русски и это облегчило их общение. Он стал рассказывать присутствующим о том, как три месяца назад в селение прибыли турецкие офицеры с отрядом курдов и, согнав жителей на площадь, зачитали приказ о срочной эвакуации гражданского населения из зоны боевых действий.

– Распоряжение турецких офицеров курды выполняли с особым рвением – печально произнёс священник. – С теми, кто не хотел покидать родные места, жестоко расправлялись. Здесь жили, в основном, армяне и курды не щадили их. На протяжении нескольких десятилетий они уничтожали армян, вырезали целые селения, захватывали имущество и земли, женщин и детей продавали в рабство. А во время войны они и вовсе распоясались.

Вдруг невдалеке послышались шум и крики, и священник прервал свой рассказ. Казаки оглянулись и увидели толпу женщин, тащивших вопящего и вырывающегося из их рук

мужчину, и бросились им навстречу. Разъярённые женщины били свою жертву палками, хватали за волосы, бросали в неё камнями, пытались накинуть петлю на шею. Было видно, что они чинят самосуд. Михаил, как военный человек, такое допустить не мог. Быстро оценив ситуацию, он выстрелил вверх и громко крикнул:

– А, ну всем стоять!

Женщины остановились, но продолжали крепко держать изрядно побитую жертву. Подоспевший к толпе отец Илларион, спокойно и ненавязчиво стал расспрашивать женщин на армянском и турецком языках о причине столь решительных их действий. Женщины, находясь в повышенном нервно-эмоциональном состоянии, перебивая друг друга, загалдели, каждая на свой лад – кто по-армянски, кто по-курдски, кто по-русски. Отец Илларион, услышав русскую речь, попросил всех помолчать, а русскоговорящую женщину рассказать, что здесь произошло.

Из толпы вышла невысокая, темноволосая, с голубыми глазами женщина и поведала присутствующим:

– Этот местный курд скупал в ближайшей округе молодых женщин и детей, резал их на мясо и под видом баранины продавал в своей лавке. Когда началась эвакуация, курд вместе с женой кинулся прятать свое добро и упустил нас из виду. Мы находились в загоне для скота и, почувствовав, что за нами никто не смотрит, взломали загон и выбежали во двор. Хозяйку схватили быстро и тут же растерзали, хо-

зьяин же оказался более увертливым и прытким. Мы еле-еле его настигли. Остальное Вы видели сами.

От услышанного у казаков, повывавших на войне всякое, мурашки пошли по телу. С таким варварством они столкнулись впервые. Отец Илларион, по окончании рассказа, спросил у женщины откуда она родом и кто научил её русскому языку?

– Ещё в прошлом веке наша семья казаков – староверов, спасаясь от преследования властей, перебралась на постоянное место жительства в Турцию. Находясь на чужбине, мы стараемся сохранять свой язык и веру, русские традиции и обычаи.

– Мне, священнослужителю русской православной церкви, отрадно слышать подобные признания. Похвальна ваша преданность вере и русскому образу жизни. Да благословит вас Господь! – И, взяв Библию, он трижды перекрестил казачку.

Затем, обращаясь ко всем женщинам, отец Илларион убедил их не брать грех на душу, не заниматься самосудом, а передать курда казакам. Впечатленные речью и действиями священника женщины утихомирились и выполнили его просьбу. Михаил приказал связать курду руки и взять его под стражу. В это время к селению подошла пехота, а с нею курьер из штаба полка. Он передал распоряжение командира – всем казакам немедленно явиться к месту дислокации. Михаил подал команду:

– В колонну по два, за мной, марш!

Женщины, о чём-то совещающиеся в сторонке, бросились к нему с просьбой взять их под своё покровительство. Михаил ответил согласием и колонна двинулась в путь. В дороге курьер сообщил ему о том, что принято решение о переводе казаков в Персию и завтра с утра начнётся погрузка в эшелоны....

Картина четвертая. Девичья башня

Январь 1916 гола. Город Баку. Уманский полк, снятый с Кавказского фронта, готовится через Баку по морю переправиться в Иран. А пока у казаков-уманцев есть несколько свободных дней, которые Михаил решил использовать для знакомства с городом.

Неделю назад он гулял по улицам Тифлиса и сейчас, бродя по Баку, невольно сравнивал эти древние города. Как ни странно достопримечательности Баку не вызвали у него такого очарованья, которое он испытал в столице Грузии. Да и отношение местного населения в Тифлисе к русским воинам было более радушным и приветливым. Со свойственным грузинам гостеприимством, они приглашали солдат и офицеров в дом, угощали их вином, лавашем и национальными блюдами, аромат которых можно было почувствовать ещё на улице. Возможно, это происходило еще и потому, что и русские и грузины были христианами. В Баку проживали в основном представители исламской веры, которые испокон веков к иноверцам относились настороженно, а иногда и враждебно. Вино мусульмане не пили, а на чай приглашали обычно братьев по вере. Поэтому к русским воинам в этом городе отнеслись довольно прохладно. А вместо грузинских ароматов витал здесь запах нефти. Прогуливаясь по городу, Михаил неожиданно вышел к архитектурному объекту, ко-

торый искал по рекомендации людей не раз бывавших в Баку. Это была та самая Девичья башня, которую он хотел увидеть. Подойдя ближе, Михаил встретил фотографа и спросил у него:

– Скажите, пожалуйста, почему башню называют Девичьей?

– Легенд о башне сложено немало, но я тебе поведаю одну из них наиболее правдоподобную. Много веков назад живший в этих местах шах решил жениться на своей дочери. Когда он сообщил ей об этом, то в ответ услышал её условие. Замуж за него она выйдет только в том случае, если он на берегу моря построит для неё очень высокую башню. Девушка рассчитывала на то, что пока башня строится, шах станет старым и умрёт, а она выйдет замуж за своего любимого. Однако, шах дожил до окончания строительства и повторил свое предложение дочери. Тогда она, не желая такого брака, бросилась с этой башни в море. С тех пор башня стала называться Девичьей. Море со временем отступило и теперь мимо неё можно прогуливаться и наслаждаться ее величием. Ныне она считается символом девичьей чести, и девушки в день свадьбы несут сюда цветы. Фото на фоне этой красавицы, я думаю, будет для тебя весьма памятным документом, – продолжил фотограф, – а для меня небольшой платой за оказанную услугу.

Михаил с удовольствием сфотографировался. Когда получил фото, поместил её в альбом, который начал вести ещё

с гимназических времен...

Часть вторая.

Индия. Английский госпиталь в Бомбее

Внезапно Михаил очнулся, и картины из его прежней жизни перестали мелькать в его подсознании. Он открыл глаза и увидел склонившихся над ним странных существ, одетых во всё белое. Михаил подумал, что он находится в раю и что это ангелы окружают его. Заметив, что раненый солдат очнулся, медсестра на английском языке спросила его:

– Что Вы хотите?

Михаил, не осознавая ту ситуацию, в которой пребывает, также по-английски, автоматически ответил:

– Пить.

И в этот момент он понял, что живой. Но где он находится? Почему к нему обратились на английском языке? От напряжения мысли Михаила спутались и на мгновение он вновь потерял сознание. В действительность его вернули слова медсестры:

– Вы просили пить, давайте я Вам помогу.

Она приподняла голову Михаила и поднесла кружку с водой к его губам. Михаил сделал несколько глотков и снова откинул голову на подушку.

– Где я нахожусь?

– В английском госпитале в Бомбее.

– Как я сюда попал?

– Вам чуть позже об этом расскажут.

И тут Михаил увидел стоящего за спиной медсестры военного человека.

– Пожалуйста, можете побеседовать с раненым, – отходя в сторонку, сказала ему медсестра, – но только недолго, так как он ещё очень слаб.

– Хорошо, я буду краток и задам лишь несколько протокольных вопросов. Вы говорите на английском? – спросил военный у Михаила.

– Да, немного, когда-то учил английский в гимназии. (Далее разговор между ними шёл на английском языке).

– Я заместитель начальника госпиталя, майор Ларсен. Мне нужно заполнить на Вас анкету. Так как Вас нашли нагим и без документов, то никаких сведений о Вас мы не имеем. Ваше имя?

– Михаил Луганский.

– Национальность?

– Я казак.

Майор с удивлением взглянул на Михаила.

– Я слышал, что казаки – это особый вид кавалерии в России. Значит Вы русский?

– Не совсем так, Мы живём в России, но мы казаки.

– Ваше воинское звание?

– Прапорщик.

– На сегодня достаточно, продолжим в следующий раз, поправляйтесь, – сказал майор и вышел из палаты.

– Будем стараться, – прошептал Михаил.

Тут к нему подошли санитары, переложили его на носилки и доставили в операционную, где Михаила ждали врачи, чтобы определить дальнейший курс его лечения. После тщательного осмотра, посоветовавшись, они объявили Михаилу, что для его спасения, необходима ампутация ноги. Наступила мертвая тишина, которую нарушил громкий возглас Михаила:

– Нет (на английском), нет, я не позволю (на русском)!

Врачи переглянулись и затем долговязый хирург, скорее всего главный, обращаясь к молодому стажёру из России спросил:

– Ну что, мистер Савельев, возьмёшься спасти ногу соотечественнику? Шанс есть, и я могу позволить это сделать, но только при наличии твоего собственного желания. Приказы здесь не уместны.

– Казаки – народ выносливый, пожалуй, можно рискнуть. Я согласен, господин Ребит.

– Вашим консультантом я назначаю доктора Фельдмана. Медлить в такой ситуации нельзя, поэтому готовьте раненого к операции, и во второй половине дня её нужно провести, – распорядился Ребит.

Савельев, подойдя ближе к Луганскому, сказал:

– Я – Ваш соотечественник, хирург из России, хочу попытаться сберечь Вам ногу.

– А что, полной уверенности в положительном результате у Вас нет?

– Сейчас трудно сказать. Только после вскрытия раны станет ясно, какое решение следует принять. Я надеюсь, что оно будет обнадеживающим.

Хирурги пошли готовиться к операции, оставив Луганского наедине с самим собой. В голове Михаила хаотично замелькали разные мысли:

– Что же делать? Как себя повести? Как поступить, если всё – таки ампутация неизбежна? Нет, нет, такое даже в мыслях допустить нельзя. Ведь, если это произойдёт, то он уже не казак, а калека, объект всеобщего сочувствия и жалости. Смириться с таким положением он не сможет никогда. Лучше умереть, чем быть недееспособным. Но, чтобы не дать врачам ампутировать ногу, необходимо держать под контролем весь ход операции? Значит, придётся отказаться от наркоза?

Это как раз меньше всего пугало Михаила. К боли он был с детства терпим. Испытывать её приходилось довольно часто: то при падении с лошади, то в кулачных схватках одного края хутора с другим, то за детские проделки от жгучего кнута отца, то от ударов в секции бокса. Да мало ли пришлось пережить этих болей!... В то же время, Михаил понимал, что сейчас ситуация иная и нынешняя боль ни с чем

не сравнима.

– Хватит ли у меня мужества перетерпеть её? Не ударю ли я в грязь лицом? Не опозорю ли казачий род? – метался в своих мыслях Михаил. – Нет, не должен, не имею права, иначе какой же я казак?

Постепенно Михаил успокоился, собрал оставшиеся силы и решил, что будет стоять на своем до конца. Тут он услышал, что в операционную вернулись врачи и начали подготовку к предстоящей сложной операции. Савельев ещё раз уточнил у Луганского, отказывается ли он от ампутации ноги и, услышав твердый ответ, сказал:

– Ну что ж, терпи, казак, атаманом будешь! От наркоза Вы отказались, тогда мы Вам по русскому обычаю дадим стакан водки.

– Не надо, – возразил Михаил, – справимся без неё.

– С Богом! – перекрестившись, проговорил Савельев и взял в руки скальпель.

Острая боль пронзила всё тело Михаила. Он крепко сжал зубы, чтобы не закричать. Пока извлекали пулю и обрабатывали мышечную ткань, ему хватало сил сдерживать свои эмоции. Но, когда хирурги приступили к зачистке кости, губы Михаила разжались и он издал невообразимый крик. Сидевшие на ветках пальмы в госпитальном саду птицы и мартишки, разлетелись и разбежались в разные стороны. Невзирая на крик раненого, врачи уверенно продолжали операцию. По её завершении, мокрый от испарины, Михаил, про-

бормотал:

– Водки.

Медсестра поднесла к его губам стакан и помогла выпить содержимое. Луганский мгновенно уснул. Его осторожно положили на каталку и отвезли в послеоперационную палату. Очнулся Михаил от лёгкого прикосновения чьей-то руки. Это был доктор Савельев.

– Жара нет, пульс в пределах нормы, – диктовал он медсестре, ведущей запись в журнале наблюдений за состоянием пациентов.

Заметив, что Михаил открыл глаза, хирург воскликнул на русском языке:

– Вот и наш Герой проснулся! Ах, молодец! Вот молодец! Настоящий казак. Теперь непременно атаманом будешь. Таковую, брат, боль не каждый может выдержать, а ты выдержал. Горжусь, одним словом, горжусь!

Затем, обращаясь к медсестре:

– Теперь можете перевести его в палату к русским раненым. Общаясь друг с другом на родном языке, они быстрее выздоровеют.

– Хорошо, мистер Савельев, всё будет исполнено.

Для более успешного лечения российских воинов англичане постарались создать соответствующие условия. С этой целью они разместили их в одном военном госпитале в Бомбее и пригласили русского хирурга – стажёра для работы в нём.

Ближе к вечеру Михаил был доставлен в «русскую» палату. Его соседом стал ефрейтор Иван Пашенцев. Познакомившись, они поведали друг другу свои истории. Истосковавшийся по общению на своем родном языке и, находясь в более здоровом состоянии, Пашенцев сразу взял инициативу в разговоре на себя. Он неторопливо рассказывал Михаилу:

– Родился я в небольшой деревне Воронежской губернии в крестьянской семье. Хозяйство у нас было крепкое, работать приходилось много и родителям и детям. Мать по воскресеньям пела в церковном хоре в соседнем селе. Нередко брала с собой и меня. В церкви, брат, я испытал такое блаженство, такое просветление, что в трудные минуты жизни всегда старался вспомнить это моё состояние. Ты, знаешь, брат, помогало. Как-то спокойно становилось на душе, и мыслить начинал лучше. Грамоте учился в церковно-приходской школе. Читать – страсть как люблю. Здесь в госпитале, находясь среди чужих людей, особенно остро ощущаешь потребность в родном языке. Вот ведь, брат, какая штука. Казалось бы, что там язык. Нет собеседника, нет книжки, лежи и молчи, здоровей будешь. Так нет, язык своего требует, ему говорить надо. Вот видишь, заболтался я уже. С радости, конечно. Так на чём же я остановился? А, как я на войну попал?

– Да, интересно, как? – подал голос Михаил.

– Призвали, значит, меня в армию – продолжил Иван. На-

правили служить в Грузию на границу с Турцией. Служба мне нравилась. Но тут началась война, и я попал на фронт. Осенью 1915 года наш полк прибыл в район города Ханекина в Персии. На подступах к нему мы заняли оборону. Долгое время все было спокойно. А в мае следующего года турки начали наступление, пытаясь захватить город. В бою я был ранен в ногу и попал к туркам в плен. Они поместили меня в госпиталь в Багдаде. Если б не ранение никогда бы не побывал я в этом древнем городе.

– А как турки относились к русским военнопленным?

– Да никак. С одной стороны, они показывали, что соблюдают международные правила содержания военнопленных. С другой – мы были брошены на произвол судьбы и сами, как могли, помогали друг другу, Смертность среди раненых была довольно высокой. Но турок это не волновало. Они говорили: «На войне мы должны в первую очередь заботиться о своих бойцах». Вот, брат, какие эти турки. Хорошо, что я у них долго не задержался. Англичане вошли в Багдад и освободили нас. Так началась наша дорога в госпиталь Бомбея. Здесь к нам проявили повышенное внимание и обеспечили должное лечение.

– Да, уж что-что, а лечить англичане умеют, – согласился с Иваном, Михаил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.